

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 7–17.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 4 (89):7–17.

Научная статья

УДК 94(47).01

DOI 10.37724/RSU.2025.89.4.001

Родовая община древних славян: вопросы теории и типологии¹

Вадим Викторович Долгов

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

dolgov@ya.udm.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема теоретического и терминологического аппарата, используемого для изучения ранних форм социальной организации у восточных славян. Автор проводит критический анализ ключевых концепций, сложившихся в отечественной и зарубежной историографии (род, кровнородственная группа, большесемейная община, задруга, патронимия), и оценивает их применимость в контексте современных археологических данных. Особое внимание уделяется дискуссиям советского периода, в частности полемике между Н. А. Бутиновым и Ю. И. Семеновым о природе родовой общины. В результате исследования автор предлагает современную трактовку базовых теоретических конструктов, без идеологических наслоений марксистской парадигмы, уточненную с учетом новейших этнографических и археологических изысканий. Предложенная типология форм социальности (кровная группа, патриархальный род, большесемейная община, задруга, патронимия) представлена как платформа для дальнейшего междисциплинарного изучения ранних этапов славянской истории.

Ключевые слова: родовая община, восточные славяне, социальная организация, теория рода, патронимия, задруга, большесемейная община, историография, археология.

Для цитирования: Долгов В. В. Родовая община древних славян: вопросы теории и типологии // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 7–17. — DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.001.

Original article

Clan community of ancient Slavs: issues of theory and typology

Vadim Viktorovich Dolgov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

dolgov@ya.udm.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта № 1/2024 по теме «Древняя Русь: община, семья, вотчина».

Abstract. The article addresses the problem of the theoretical and terminological apparatus used for studying early forms of social organization among Eastern Slavs. The author provides a critical analysis of key concepts developed in Russian and foreign historiography (clan, blood kinship group, extended family community, *zadruga*, patronymy) and assesses their applicability in the context of modern archaeological data. Particular attention is paid to the discussions of the Soviet period, specifically the polemic between N. A. Butinov and Yu. I. Semenov regarding the nature of the clan community. As a result of the research, the author proposes a modern interpretation of the basic theoretical constructs, without the ideological layers of the Marxist paradigm and refined to take into account the recent ethnographic and archaeological findings. The proposed typology of forms of sociality (blood kinship group, patriarchal clan, extended family community, *zadruga*, patronymy) is presented as a platform for further interdisciplinary study of the early stages of Slavic history.

Keywords: clan community, Eastern Slavs, social organization, theory of the clan, patronymy, *zadruga*, extended family community, historiography, archaeology.

For citation: Dolgov V. V. Clan community of ancient Slavs: issues of theory and typology. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 4 (89):7–17. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.001.

По завершении марксистского периода отечественной исторической науки многие прежде обсуждаемые темы остались без внимания. Теоретические дискуссии прекращены, методологические подходы не используются. Кроме прочих в относительном забвении оказалась и дискуссия о ранних формах социальной организации домодерных обществ. Конкретно-исторические исследования в этом направлении велись, но теоретическая область мало привлекала ученых. Пожалуй, последним великим теоретиком в отечественной науке, работавшим в этом направлении, можно назвать Ю. И. Семенова.

Между тем история изучения родовых отношений может служить хорошим примером последовательной череды открытий в гуманитарной сфере. Это само по себе интересно, поскольку настоящие открытия случаются в ней нечасто.

Кроме того, дальнейшее изучение ранних этапов славянской истории невозможно без того, чтобы актуализировать теоретический и терминологический арсенал, уточнить старые теории и посмотреть, насколько они применимы сегодня. Этому в некотором смысле камеральном исследованию и посвящена наша статья.

В отечественной истории истинным Колумбом был В. Н. Татищев, но этим титулом А. С. Пушкин наградил Н. М. Карамзина, новизна которого заключалась не столько в открытии российского прошлого, сколько в достойной его презентации читателю XIX века. Для русского и советского гуманитария таким «Колумбом» родового общества в силу специфики учебной программы исторических факультетов стал Ф. Энгельс. Однако его заслуга в этом деле сравнима, скорее, с вкладом Н. М. Карамзина. Он связал историю первобытного общества с марксистской теорией верхнего уровня и сделал доступной для изучения на студенческом и даже школьном уровне в СССР. При этом у Ф. Энгельса, конечно, было несколько предшественников, первооткрывателей родового социального уклада.

Первым в этот ряд советский этнолог и социальный философ Ю. И. Семенов ставил швейцарского правоведа Иоганна Якова Бахофена [Семенов, 1968, с. 158], автора книги “Das Mutterrecht”, вышедшей в Штутгарте в 1861 году Бахофен сообразно научной терминологии своего времени рассуждал о «материнском праве». Стиль его рассуждений был весьма витиеватым [Бахофен, 2018, с. 56]. Его труд в существенной степени был историософским трактатом². Однако последующие исследователи смогли извлечь из его рассуждений социально-антропологический «полезный груз». Наиболее древней формой рода Бахофен считал род материнский. Он делал вывод на том простом основании, что мать человека всегда очевидна, а вот с определением личности отца могут быть проблемы. Определяющая роль матери была осмыслена в древних обществах в мифологическом ключе, чему Бахофен привел множество примеров.

Согласно теории И. Бахофена, родовым отношениям предшествовал промискуитет, беспорядочные половые связи, которые сам ученый именовал «гетеризмом». Высшей стадией родового общества он считал род отцовский. Новаторскими в книге И. Бахофена были не только выводы, но и сам философско-критический подход к истории социального. Бахофен «изобрел» объект. Это во многом искупает его по-немецки романтический и фантазмагорический стиль мышления.

² Показательно в этом отношении, что предисловие к его русскому переводу написал А. Г. Дугин.

В том же десятилетии, в 1865 году, в Эдинбурге вышла книга второго «столпа» родовой теории — шотландского правоведа Джона Фергусона Мак-Леннана — “Primitive marriage”. Он во многом совпал в выводах с Бахофеном, но рассуждал от него независимо. Такое, как мы знаем, в науке случается нередко.

Во-первых, Дж. Мак-Леннан показал связь первобытного социального устройства с первобытной религией, а именно с тотемизмом.

Во-вторых, он независимо от И. Бахофена пришел к выводу, что первоначальной формой социальной организации первобытного человека была не библейская патриархальная семья, а материнский род, сменившийся затем родом отцовским.

В-третьих, Дж. Мак-Леннан «изобрел» экзогамия, то есть показал важную роль этого принципа для функционирования родовых сообществ.

Многое из того, что написал Дж. Мак-Леннан, современной наукой не поддерживается. Его предположение об убийстве девочек и образовавшимся в результате дефиците женщин в первобытных сообществах — в общем-то интересная и возможная, но совсем не обязательная фантазия. Тем не менее социально-антропологическая теория его силами была продвинута существенно вперед.

Завершенную форму, дополнительную эмпирическую базу и красоту логичности идеям И. Бахофена и Дж. Мак-Леннана придал Л. Г. Морган. Большое значение для реконструкции социальных механизмов родового общества имеет его классическое исследование «Древнее общество или исследование линии человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации».

Схема Л. Г. Моргана, созданная в процессе сравнения общественного устройства ирокезов с общественным устройством древних греков и римлян, отличается простотой и стройностью. Сила ее воздействия была обусловлена тем, что этнографические материалы, собранные в Новом свете у экзотических индейцев, оказались удивительно близки социальному устройству знакомой с гимназического детства античной классики. Античность, которая воспринималась образованными людьми XIX века как собрание хрестоматийных легенд, как гомеровская сказка, неожиданно обрела черты реальности. Этим, увы, не мог привлечь читателя мистичный и туманный труд И. Бахофена. Схема оказалась применима ко множеству народов Земли. У ученых XIX века появилась возможность как будто отправиться в прошлое и увидеть знакомые по текстам социальные институты в виде живых организмов. Это было обретение «затерянного мира» для социальных и гуманитарных наук.

Исследование этого родового мира показало, что основной единицей общества в схеме выступает род — коллектив родственников, связанных общим происхождением по мужской или женской линии. При этом материнский род предшествует мужскому.

Род — экзогамная группа. Браки внутри рода запрещены.

Несколько родов составляют племя, которое выступает, напротив, группой эндогамной — брачную пару необходимо искать в других родах своего племени. Племенной эндогамией обеспечивается устойчивость племени. Таким образом, единоплеменники оказываются связаны родственными узами и по мужской, и по женской линиям.

Между ирокезами и античными греками нашлись совпадения и в более сложных социальных структурах. Поскольку и те и другие находились на весьма продвинутых стадиях развития родовых отношений, в их организации видны признаки перерастания родовых отношений во что-то более сложное. Например, разросшиеся роды делятся на части, для именования которых был взят античный термин — «фратрии». Они, осознавая связывающие родственные отношения (векующие все соответствующие брачные запреты и предписания), тем не менее, действуют и управляются в некоторой степени автономно. Описан и институт адобции, когда человек или группа, не принадлежащая роду по крови, входит в нее на правах родственников и полноправных членов. Организация управления ирокезов (и всех групп, к которым применима схема) показана Л. Г. Морганом как демократическая: с весомой ролью собрания членов рода и выбором вождей.

Судьба родовых отношений тоже была обозначена Л. Г. Морганом: их эпоха заканчивается, пройдя стадии «дикости» и «варварства», с началом «цивилизации». Для исследователя это были технические термины, при помощи которых можно систематизировать недискретный процесс развития материальной и духовной культуры, разделить его на стадии (сделать дискретным) и тем самым облегчить осмысление.

В эпоху дикости человечество «приручило» огонь, изобрело лук и заселило Землю. Варварство знаменовалось изобретением гончарного круга, приручением животных, развитием земледелия и металлургии. Применение письменности означало переход от варварства к цивилизации [Морган, 1934, с. 9–11].

На долгое время труд Л. Г. Моргана для отечественных ученых стал эталонным текстом, сборником непререкаемых истин. Этому способствовала, конечно, высокая оценка книги Моргана Ф. Энгельсом. Однако это был не тот случай, когда идеологический «щит» прикрывает от критики и ревизии слабый в научном плане текст. Морган создал по-настоящему ясную, чеканно четкую, красивую в своей логичности теорию.

Как любая хорошо разработанная теория, схема Л. Г. Моргана сразу была использована как инструмент для анализа вновь поступающей эмпирической информации. И это стало для нее «проверкой на прочность», которую она в целом выдержала. Однако по мере работы над теорией периодически вспыхивали дискуссии, содержание которых имеет важное значение для исследования ранних периодов восточнославянской истории.

Прежде всего, уточнению подверглись формы, в которых функционировали ранние общества. Были открыты социальные системы, которые отличались от ирокезских/античных, предшествовали или воспоследовали им. Не касаясь вопроса об их взаимном соотношении, наметим базовые контуры.

Кровнородственная группа/община/семья.

Термины «община» и «семья» усложняют смысл этого понятия, хотя и подходят к нему с формально-логической точки зрения. Также отягощает его и вторая часть ключевого слова «-родственная», поскольку делает слишком похожим на термин «родовая». «Кровнородственная община» и «родовая община» — звучит почти как синонимы. Между тем, это совсем разные социальные конструкции (хотя, возможно, род вырастает из кровнородственного объединения).

Для того чтобы разделить понятия, в рамках этой статьи будет использоваться выражение «кровная группа».

Итак, «кровная группа» — предельно древний тип человеческой общности. В этнографических материалах он сохранился лишь у тех племен, уклад жизни которых в исторические времена оставался на уровне каменного века.

Кровный уклад может быть проиллюстрирован материалами акуруи, амазонских индейцев, описанных в книге известного финского путешественника и теледокументалиста Яна Линдблада. Он путешествовал по южноамериканским тропикам в 1960–1970-х годах, успел застать индейцев в их первозданном состоянии, которому к тому моменту оставалось отмерено уже совсем небольшое время до окончательного вторжения цивилизации в их жизнь [Линдблад, 1991].

Многие индейские и африканские племена, даже в общем и целом сохраняющие первобытный уклад жизни, все-таки используют некоторые блага европейской цивилизации, достаточно вспомнить колоритных индейцев из произведений Фенимора Купера. Уже в XIX веке они стреляли из ружей, произведенных в Европе, скакали на завезенных из Европы лошадях, снимали скальпы стальными европейскими ножами и пр. Акуруи же даже во второй половине XX века сохраняли по-настоящему первобытный образ жизни: не использовали огнестрельное оружие, деньги, металл и ткани. Они охотились при помощи самых примитивных луков. Наконечники стрел были костяными или деревянными, топоры — каменными, идентичными древнеамериканским и пр.

Общественная организация акуруи была очень простой. Небольшими группами, человек по десять-двенадцать, они бродили по тропическим лесам Южной Америки. Линдблад отмечает, что в этих группах не было никаких вождей (хотя, казалось бы, «индейский вождь» — вполне стереотипная фигура, без которой невозможно представление о жизни американских аборигенов).

Важно обратить внимание, что их общественная организация была проще той, которую мы находим в обезьяньем стаде или волчьей стае. В стаде обычно есть вожак — альфа-самец, владелец «гарема». Он доминирует над самками, вступает с ними в половую связь, держит под контролем омега-самцов, которые периодически бросают ему вызов, проверяя его лидерские качества на прочность. Однажды вожак стареет, и какой-нибудь молодой самец побеждает его в поединке. Персона вожака меняется, но сама система общественного устройства остается прежней. Группа обезьян таким образом является иерархизированной и эндогамной. Самцы вступают в половое сношение с самками внутри группы.

У индейцев акуруи было все проще, чем у павианов. Даже примитивной иерархии в обществах не было. Все члены группы были равны между собой. Линдبلاد пишет, что в племени невозможно было принудить кого-либо пойти на охоту или заняться иным другим делом: можно было только предложить, позвать.

Не было у акуруи и семей даже в самом зачаточном состоянии. Внутри группы, как правило, не случалось сексуальных контактов. Когда одна кочующая группа встречалась с другой, на общей стоянке происходил обмен партнерами. Затем группы расходились и больше не вспоминали друг о друге до следующей встречи. Спустя положенное время рождались дети, которых воспитывали сообща, не думая о том, что их биологические отцы бродят по каким-то совершенно иным тропинкам тропического леса. Мужчины этой группы занимались воспитанием племянников, совершенно не заботясь о том, что их собственные отпрыски где-то бродят со своими матерями и дядьями по джунглям.

Если говорить про акуруи, то иногда мужчины из групп, встреченных в лесу, могли перейти в другую группу. Это не нарушало общего принципа, поскольку случалось лишь изредка. Если совсем упростить, группу составляли сестры, братья, дети/племянники по женской линии. Фактически эти кровные группы состояли только из кровных родственников: сестер, братьев (сиблингов) и детей, рожденных женщинами-сестрами и воспитываемых без отцов, но с дядями-братьями. Понятно, что, если подумать, в сущности такая социальная система почти идентична роду.

Вместе с тем эту систему нельзя назвать родовой.

Род как физиологическая цепочка рождений существует у любых живых организмов, в том числе у современных людей. Но род как система социальной организации к физиологическим обстоятельствам не редуцируется, иначе бы он существовал и сейчас. Биологическая составляющая осталась неизменной, но вопрос касается социальной, а именно социальное существует в сознании акторов.

Кровная группа акуруи (и любого другого известного по этнографическим источникам кровного коллектива) не осознает себя как часть рода, не имеет об этом понятия. В их понимании они все братья, сестры и не более того [Бутинов, 1868, с. 116–117]. О предках они не знают и не думают. Их образ жизни, культура не дают возможности составлять длинные генеалогии.

Все это создает неустойчивость кровных групп. Просуществовав какое-то время, сравнимое с продолжительностью одной человеческой жизни, они распадаются, перемешиваются и объединяются в иных конфигурациях.

Как было сказано, кровная группа — древний вариант социальности, следы которого у восточных славян вряд ли можно отыскать. Если славяне и прошли данную стадию, то случилось это во время, никак не отразившееся в источниках.

Род.

С родом самим по себе в советской науке было все понятно. Л. Г. Морган описал механизмы, действующие в роду, с исчерпывающей полнотой. Однако дальнейшие попытки углубить понимание привели исследователей к нескольким теоретическим проблемам. Главными из них можно назвать две: первая — был ли род (прежде всего, материнский род) первой формой человеческой социальности, вторая — был ли род реальным производственным коллективом в начале своего существования, или эта структура обеспечивала только «производство людей», то есть брачно-половое регулирование.

Быстрому решению первого вопроса мешали труды основоположников марксизма-ленинизма, в которых однозначно указывалось, что род — первая форма человеческой социальности, и род этот — материнский. Помимо авторитетных указаний на стороне такого взгляда на историю социального стояла элементарная логика. Та же самая логика, которой руководствовался и И. Бахофен, утверждая первоначальность материнского рода: мать, в отличие от отца, устанавливается очевидным образом, тогда как отец неочевиден в момент рождения. Однако копящиеся этнографические материалы клонили чашу весов в другую сторону. Оказалось, например, что самые примитивные из известных на тот момент народов — аборигены Австралии, которые должны бы по всем теоретическим соображениям жить в глубоком матриархате, имеют у себя отцовский род. Умозрительная логика также подсказывала, что род все-таки не самая примитивная общественная организация. Она включает в «надстроечную» часть некоторое количество абстракций весьма высокого уровня: мысленную цепочку предков, построение генеалогий и др. На роль «самой примитивной» выдвинулась рассмотренная кровная группа.

Кроме того, возникла проблема, которую создавало само выражение «родовая община». Община — коллектив совместно живущих и трудящихся людей, тогда как члены рода (например, у тех же ирокезов) не жили сразу все вместе. Таким образом «родовая община» превращалась из «общины, объединяющей членов одного рода» в «общину родовой эпохи», в которой члены одного рода оказывались разделены на несколько общин.

Возникшие вопросы решались в науке по-разному. Развернулась дискуссия. Советские ученые шли, можно сказать, в ее авангарде. Определились две основные точки зрения.

По мнению Н. А. Бутинова, род — экзогамное объединение, регулирующее только брачно-половую сферу. При этом люди, объединенные в род, живут и трудятся не сразу все и вместе, а раздельно, общинами, которые и являются базовыми хозяйственными и производственными ячейками.

Основанием для выводов стало изучение этнографических материалов народов Австралии и Океании (прежде всего, папуасов), которые Н. А. Бутинов, впрочем, до 1971 года производил «по литературе», на теоретическом уровне, без полевых наблюдений, почти невозможных для советского ученого [Иванова, 2005, с. 416–420].

Главным оппонентом Н. А. Бутинова стал другой известный теоретик — Ю. И. Семенов, по мнению которого род потому и стал определяющей формой социальности, что имел хозяйственное значение. Род как хозяйственная единица объединял мужские и женские группы в единое целое. Семенов отстаивал концепцию дислокального брака как древнейшей его формы, при этом невозможной вне рамок родовой организации, которой таким образом возвращался статус древнейшей. Признак того, что род все-таки изначально был именно хозяйственным коллективом, Семенов видел в родовой собственности на землю, которая сохранилась и тогда, когда родовые коллективы уже в самом деле перестали совместно заниматься материальным производством [Семенов, 1968, с. 222].

Объективно позиция Ю. И. Семенова вписывалась в рамки стандартного советского марксизма, а позиция Н. А. Бутинова противоречила ей. Поэтому Семенова иногда обвиняют в «догматизме». Однако представлять дело так, что Семенов использовал «сухую теорию», а Бутинов шел «от материала», было бы неверно. Их стиль мышления был фактически схож, демонстрировал широкую эрудицию, но выводы оказались различные. Однако нельзя отметить, что вне ограничительных рамок марксизма любая из этих двух точек зрения сразу одержала бы верх. Это была «шахматная партия», которая велась вполне на равных.

Для нашей работы не так важно, кто из двух ученых был прав — Н. А. Бутинов или Ю. И. Семенов, поскольку мы в любом случае не имеем возможности судить о столь ранних этапах славянской истории. Если говорить о более поздних этапах, то противоречий между ними не было. На финальных стадиях родового общества род уже, конечно, перестал быть хозяйственной единицей и население так или иначе организовалось в общины.

Археологические источники показывают для славян VI–VII веков как типичную форму расселения крупные укрепленные поселки (фактически города) и связанные с ними селенья поменьше. Эти небольшие селения явно недостаточны для того, чтобы вместить в себя целый род. Если род на тот момент существовал как актуальная форма общественной организации, он мог занимать только целое гнездо поселков с укрепленным центром в центре. Автономными производственными единицами выступал каждый поселок в отдельности. Иными словами, в археологические данные вписывается модель позднеродовой общности, в которой род является объединяющей надстройкой, и при этом делится на небольшие хозяйственные общины. Сразу следует отметить, что эта модель не является единственной. Столь же логично в археологические данные можно вписать гипотезу, что гнездо поселков было неким объединением, связанным не родовой, а только территориальной общностью.

Большесемейная община и задруга.

Поселки, составляющие элементы «гнезда» по археологическим материалам, — это, как правило, небольшие населенные пункты, состоящие в среднем из 4–7 отдельно (и чаще в ряд) стоящих срубных домов. Каждый дом по своим размерам мог вмещать без существенных проблем только парную семью с детьми и, может быть, пожилым родителем. Такой семейный тип, пройдя через столетия и претерпев минимальные трансформации, был доступен для наблюдения и в начале XX века: семья с детьми занимала отдельную избу, а на печке доживал свой век дед.

У каждого дома виден отдельный минимальный приусадебный участок, не позволявший вести отдельную производственную деятельность (явно недостаточный для основательного огорода), но дававший некоторую свободу личного пространства семьи. Что же касается полевых земель, то судить об их хозяйственной организации археологические материалы возможности не дают.

Тем не менее не было связи между строениями — каких-либо крытых переходов или туннелей, больших общих помещений (пиршественных залов, гридниц, «мужских домов»), существенного социального расслоения.

Такой набор признаков, с одной стороны, исключает возможность видеть в рассмотренных поселках классический вариант родовых поселений, в которых люди жили самым примитивным образом, почти неразделенной массой в одном большом доме или сообщающихся постройках. С другой стороны, это были и неизолированные усадьбы, которые собраны вместе только, допустим, удобством выбранного для строительства места.

По общей планировке древние маленькие селища довольно близки к современным деревням. При этом сейчас, конечно, дома в обычной среднерусской деревне населяют семьи, которые друг с другом никак не связаны. Однако при сходстве внешней формы аграрная эпоха требовала совсем иного уровня автономности. Новейшее время породило явление «облачной» хозяйственной структуры. Современное частное домовладение вполне может обходиться без колодца, дровяного склада, хлебного амбара, продуктового ледника и пр. Но в ту далекую эпоху не было магазинов, социальных служб, полиции и скорой помощи. Ведение самостоятельного хуторского хозяйства требовало гораздо большего простора. Поэтому тесно стоявшие домики XII века означают совсем иной социальный уклад, чем тесно стоявшие домики XXI века. Точно так же, как современный «человекиник», который, если предположить, вполне бы мог быть помещением ирокезского племени, все члены которого тесно связаны друг с другом (есть даже те самые пресловутые переходы от одного небольшого помещения к другому), но в реальности заселен совершенно атомизированными индивидами, которые не знакомы друг с другом.

Итак, каждый отдельный поселок, судя по его планировке, вмещал небольшое количество парных семей, которые, с одной стороны, не были единой неразделенной кровной группой наподобие индейцев акуруи, но все-таки были связаны между собой достаточно тесно.

Для примера можно взять известное Белорученское селище [Седов, 1960, с. 17–18]. Восемь домов, стоявших в ряд среди бескрайних лесных дебрей на берегу маленькой речушки Солодовая. Это был сплоченный коллектив. Наиболее вероятная форма, в которой он существовал, — большесемейная община. В ней многие отечественные исследователи видели одну из самых древних систем социальной организации, распространенную по всему миру. В литературе можно встретить мнение, что большесемейная община должна жить непременно «одним большим двором», но при срубной конструкции построек такая модель не является единственной и оптимальной. Несколько поколений и несколько нуклеарных семей вполне могли развернуть свои постройки в линию вдоль берега реки или дороги. Примеров этого, как было показано, русская археология дает нам достаточно. Белорученское селище по своим размерам вполне могло вмещать большую семью.

При этом было бы, конечно, весьма самонадеянно считать, что небольшой поселок, который предстает как археологический памятник, может быть однозначно и бесспорно истолкован с социологической точки зрения.

Задруга.

Ту же археологическую конфигурацию могла иметь и задруга в том случае, если к разросшейся естественным образом парной семье добавлялись семьи, не связанные с ней родством, но вошедшие в тесную соседскую связь, обусловленную совместным противостоянием природным трудностям и ведением совместного хозяйства.

Исследователи нередко используют термины «задруга» и «большесемейная община» как синонимы, если речь идет о славянском материале. Такой точки зрения придерживался известный исследователь задруги Г.Ф. Блюменфельд [Блюменфельд, 1884, с. 7–10]. Однако с его позицией в общетеоретической части никак нельзя согласиться. При всей внешней схожести большесемейной общины и задруги важным различительным элементом должен считаться приоритетный принцип объединения людей в эту группу. Несмотря на то что и в большесемейной общине, и в задруге основное ядро группы могут составлять кровные родственники, а помимо родственников в коллективе могут присутствовать пришлые люди, не связанные родством с ядром коллектива, большесемейная община — родственное объединение, задруга же — нет. Это ясно

как из самого термина, так и из истории задруги, прошедшей за столетия существования несколько этапов развития и дошедшей до состояния югославских колхозов.

Правильней будет считать, что большесемейная община (несколько родственных нуклеарных семей, живущих вместе и вместе предстающих перед внешним миром) и задруга имеют разную социальную природу и отличаются характером внутренних связей. Они внешне могут быть сходны и иметь похожее мировосприятие. Однако суть трансформации, приведшей к превращению семейной общины в задругу, можно обозначить так: от «мы родственники, и поэтому живем и трудимся вместе» к «мы живем и трудимся вместе и поэтому мы “родственники”».

И все-таки задруга — это именно территориальная по сути община, сохранившая в терминологическом и мировоззренческом оформлении только внешние элементы общины семейной.

Важно ответить, что на роль самостоятельной социальной единицы высшего таксономического уровня ни большесемейная община, ни задруга не подходят. Они могли существовать самостоятельно в пространстве государств нового времени, когда их, собственно, и наблюдали этнографы. Но в эпоху догосударственную и последовавшую за ней эпоху раннего феодального государства такого быть не могло.

Это относительно небольшие объединения, поэтому их функции должны быть ограничены хозяйственными и брачно-семейными вопросами. Однако вести самостоятельно оборону от внешнего противника они своими ограниченными силами не могли. Поэтому существовать большесемейные общины или задруги могли либо в каких-то совсем безлюдных диких краях, где от внешней опасности их защищали сами географические условия, либо в составе более крупных объединений, которым было под силу организовывать оборону: изначально больших родовых объединений, затем «земель-волостей», а на заключительном этапе и «модерных» государств.

Патронимия.

Интересным вариантом родовых отношений, дошедших до нового времени, была патронимия, открытая и изученная в 1930-х годах советским этнографом М. О. Косвенем, который ввел этот термин в широкий научный обиход³. Патронимия рассматривалась Косвенем как следующая стадия трансформации большесемейной общины. В случае, если жизнь складывалась удачно, большая семья становилась еще больше, и отдельные ее части, парные семьи, отселялись на новые места, не утрачивая, однако, памяти об общем предке. С реально существующими патронимиями Косвен впервые познакомился во время экспедиций к удмуртам в 1930-х годах [Косвен, 1963, с. 5–35].

Концепция М. О. Косвена была весьма интересна и тем ценна, что содержала открытие, подобное тем, которые делали первопроходцы и путешественники XIX века. Реликтовая форма первобытной социальной организации обнаружена примерно в тысяче километрах от Москвы. Однако теория «патронимии» изначально содержала и несколько системных недостатков, о которых следует сказать.

Во-первых, родовые отношения у удмуртов, на материалах которых М. О. Косвен сформулировал первоначальную концепцию, были поняты им самим неверно. Идея о сохранении у удмуртов пережитков матриархального рода была лишь следствием некритического восприятия исследовательской традиции, основанной на изначальном недоразумении. Это представление полностью отвергнуто современной наукой [Пислегин, Чураков, 2024]. Косвен наблюдал реликты не матриархального, а патриархального рода, но не понимал этого.

Во-вторых, даже если отвлечься от конкретного этнографического материала, теоретическое содержание термина «патронимия» было оформлено М. О. Косвенем не вполне ясно. Поэтому последующие исследователи использовали его, вкладывая самый разнообразный смысл.

М. О. Косвен наблюдал у удмуртов два похожих, но разноуровневых явления:

1) реликты больших родовых общностей — «выжи», образовывавшие гнезда поселений [Пислегин, Чураков, 2024, с. 12], ближайший аналог этим родовым объединениям — ирландские кланы;

2) действительно разросшиеся семьи, существовавшие в составе описанных выше родов [Пислегин, Чураков, 2024, с. 17–18]. Ни отношениями собственности, ни общности проживания эти группы (или, точнее, «группочки»), вероятно, не были связаны. Если же объединялись, то не в силу их принадлежности к одной патронимической группе, а в силу случайных причин, не имевших прямого отношения к общему прадеду. Их объединяло фактически только имя прадеда — «дедчество».

³ В современной этнологии этот термин перестал использоваться, уступив место термину «линдж».

Может быть, потому, что М. О. Косвен сделал недостаточно специальных смысловых акцентов, исследовали путали два этих явления, и к чертам настоящих патронимий, описанных в пункте 2, добавляли черты родов-кланов (пункт 1). В результате вместо нескольких семей, помнивших имя общего прадедушки и иногда по-родственному помогавших в каких-то больших хозяйственных делах, под термином «патронимия» в трудах историков и этнологов подчас понималось нечто более консолидированное и сложноорганизованное. Другими причинами невозможно объяснить попытки сопоставления патронимии и, например, верви.

Впрочем, если учесть указанные недостатки и не преувеличивать масштаб явления, концепция патронимии может быть приемлемым инструментом социального анализа.

Кроме социальных координат М. О. Косвен определил и археологические признаки патронимий, которые в его трактовке должны были представлять собой «гнезда поселений» [Косвен, 1963, с. 99–100]. Исторические варианты патронимии, описанные и Косвеном, и другими исследователями патронимических групп, показывают, что варианты пространственного размещения патронимического гнезда могут быть различны. Более того, термин патронимии удмуртов, с которых началось изучение этого явления Косвеном, дошел до современности, сменив название на «дислокальные объединения».

Соотношение «рода» и «патронимии» ученые видели и видят по-разному. Если рассуждать формально, то разница между патрилинейным родом и патронимией вообще становится неощутима. И то и другое — коллектив родственников, ориентированных на общего предка по отцовской линии.

Некоторые этнологи предлагают считать патронимию формой общины, тогда как род — явление более общего уровня, не обязательно связанное с совместным проживанием. Однако, как было нами показано, и в этой точке зрения имеются противоречия.

Можно различать патрилинейный «род» и «патронимию» по основанию включенности в них женщин. Понятно, что в силу экзогамных запретов женщина не могла принадлежать к тому же роду, что и мужчина. Однако ее вполне можно считать членом патронимии. Но и тут есть сомнения: изначально в обоих случаях женщина принадлежала к иной экзогамной общности — к другому роду и к другой патронимии. После того, как брак заключался, она входила и в род, и в патронимию мужа.

Полной ясности нет, конвенция не сложилась.

Если все-таки не отказываться от концепции патронимии, то она может быть полезна для дифференциации общностей по мировоззренческому признаку. Члены рода видят себя общностью, прежде всего вертикальной, уходящей корнями в далекое прошлое, к мифическому тотемному предку, а «патронимию» — горизонтальной, как коллектив родственников, живущих здесь и сейчас, в близких общинах. Род отделяет себя от других родов на глубоком, едва ли не биологическом уровне, и видит в качестве предка «белого орла» или «быстрого горностаея», как это было у индейцев. С этим связаны их тотемические религиозные представления и культы. Патронимия же смотрит не так далеко и не столь метафизически: ее предок — общий дед или прадед, реальное лицо, которого старшие члены патронимии могут даже помнить, почитают, но не обожествляют. Его фигура объясняет связь между частями патронимической группы, но не является частью системы религиозных воззрений.

Удмуртские «выжи» или ирландские кланы генетически связаны с родовой эпохой, восходят к ней, а патронимии — форма, которая спонтанно может возникнуть даже и в постиндустриальном обществе.

Можно считать, что патронимия и род вполне могут сосуществовать. И в этом случае, действительно, род будет занимать в мировоззрении более высокий таксономический уровень, состоять из нескольких патронимий (как можно видеть и в этнографии удмуртов). Но точно так же патронимия может входить и в территориальные общинные образования. Подобных примеров история тоже знает немало. Ввиду своей большей элементарности патронимия могла встраиваться в разные формы не только архаических, но и вполне «модерных» социальных организмов.

Итак, нами рассмотрены шесть базовых форм социальной организации, сложившиеся как аналитические концепции в XX веке. Все они в той или иной мере подходят для работы и на современном этапе. Однако современная наука предъявляет новые требования к четкости и конвенциональной слаженности формулировок.

Кровная группа — самая простая форма. Небольшая экзогамная группа, состоящая из сиблингов и кузенов. Может быть частью общностей более высокого порядка. Настолько древняя, что почти не оставила следов в мировой и славянской истории.

Патриархальный род — коллектив родственников, осознающих свое реальное или мнимое происхождение от одного мифического предка. Фактическая жизнь родовых общин предполагает вхождение в родовую группу женщин из других родов. Вопрос, что возникло первым — идея рода или совместное ведение хозяйства — до сих пор окончательно не решен.

Большесемейная община — отдельно живущая и хозяйствующая группа, состоящая из родственных семей. Относительно небольшая: родители, выросшие дети, имеющие свои семьи. Входит в объединение более высокого уровня, изначально — родового, а затем и территориального характера.

Задруга — группа, внешне похожая на большесемейную общину, однако определяющий принцип социальной организации — территориальный. Археологически и большесемейная община, и задруга могут быть представлены селищами, наподобие Белорученского.

Патронимия — весьма аморфная общность, объединенная памятью о недалеком родстве по мужской линии.

Такова возможная платформа современной ученой конвенции. Возможно, неоптимальная, но открытая к обсуждению.

Список источников

1. Бахофен И. Я. Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой : в 3 т. — СПб., 2018. — Т. 1. — 456 с.
2. Блюменфельд Г. Ф. О формах землевладения в древней России. — Одесса, 1884. — 214 с.
3. Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (Основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. — М., 1968. — С. 89–155.
4. Иванова Е. В. О Н. А. Бутинове // Антропологический форум. — 2005. — № 2. — С. 416–420.
5. Косвен М. О. Распад родового строя у удмуртов // Ученые записки. Вып. 2 : На удмуртские темы : сб. ст. науч.-исслед. ин-та народов Советского Востока при ЦИК СССР. — М., 1931. — С. 5–35.
6. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — 215 с.
7. Линдبلاد Я. Человек — ты, я и первозданный. — М. : Прогресс, 1991. — 287 с.
8. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линии человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. — Л. : Изд-во Ин-та народов Севера, 1934. — 350 с.
9. Пислегин Н. В., Чураков В. С. Родовая система удмуртов : моногр. — Ижевск : УдмФИЦ УрО РАН, 2024. — 198 с.
10. Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). — М. : Изд-во АН СССР, 1960. — № 92. — 159 с. — (Материалы и исследования по археологии СССР).
11. Семенов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. — Кн. 1. — М., 1968. — С. 156–222.

References

1. Bachofen J. J. *Materinskoye pravo. Issledovaniye ginekokratii drevnego mira v sootvetstvii s yeye religioznoy i pravovoy prirodoy: v 3 t.* [Matriarchal Law. A Study of Gynococracy in the Ancient World in Accordance with its Religious and Legal Nature: in 3 volumes]. St. Petersburg, 2018, vol. 1, 456 p. (In Russian).
2. Blumenfeld G. F. *O formakh zemlevladieniya v drevney Rossii.* [On Forms of Land Ownership in Ancient Russia]. Odessa, 1884, 214 p. (In Russian).
3. Butinov N. A. Primitive communal system (main stages and local variants). *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv. Kn. 1.* [Issues of History of Pre-Capitalist Societies. Bk. 1]. Moscow, 1968, pp. 89–155. (In Russian).
4. Ivanova E. V. About N. A. Butinov. *Antropologicheskij forum.* [Anthropological Forum]. 2005, iss. 2, pp. 416–420. (In Russian).
5. Kosven M. O. Disintegration of the clan system among the Udmurts. *Uchenyye zapiski. Vyp. 2: Na udmurtskiye temy: sb. st. nauch.-issled. in-ta narodov Sovetskogo Vostoka pri TsIK SSSR.* [Scientific Notes. Iss. 2: On Udmurt Themes: Collected papers of Research Institute of the Peoples of the Soviet East under the Central Executive Committee of the USSR]. Moscow, 1931, pp. 5–35. (In Russian).
6. Kosven M. O. *Semeynaya obshchina i patronimiya.* [Family Community and Patronymy]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963, 215 p. (In Russian).

7. Lindblad J. *Chelovek — ty, ya i pervozdannyyu*. [Humans: You and Me, and the Primordial Man]. Moscow, Progress, 1991, 287 p. (In Russian).
8. Morgan L. H. *Drevneye obshchestvo ili issledovaniye linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii*. [Ancient Society, or a Study of the Line of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization]. Leningrad, Institute of the Peoples of the North, 1934, 350 p. (In Russian).
9. Pislegin N. V., Churakov V. S. *Rodovaya sistema udmurtov: monogr.* [The Udmurt Tribal System: Monograph]. Izhevsk, UdmFITS UB RAS, 2024, 198 p. (In Russian).
10. Sedov V. V. *Selskiye poseleniya tsentralnykh rayonov Smolenskoj zemli (VIII–XV vv.)*. [Rural Settlements in the Central Regions of Smolensk Land (8th–15th cc.)]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960, iss. 92, 159 p. (Materials and Research on the Archaeology of the USSR). (In Russian).
11. Semenov Yu. I. Issue of the initial stage of clan society. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv. Kn. 1*. [Problems of History of Pre-Capitalist Societies. Bk. 1]. Moscow, 1968, pp. 156–222. (In Russian).

Информация об авторе

Долгов Вадим Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Удмуртского государственного университета.

Сфера научных интересов: социальная история Древней Руси, историография, военная история Древней Руси.

Information about the author

Dolgov Vadim Victorovich — Doctor of History, Professor of the Department of Russian History Udmurt State University.

Research interests: social history of Ancient Rus', historiography, military history of Ancient Rus'.

Статья поступила в редакцию 19.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

The article was submitted 19.08.2025; accepted for publication 19.09.2025.